

16+

Кристина Борис

Персефона

Кристина Борис

Персефона

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борис К.

Персефона / К. Борис — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мальчик случайно находит скелет девушки, которая давно покончила жизнь самоубийством. Спустя время уже повзрослевший юноша знакомится с её семьёй, пытаясь найти разгадку её поступка. История самоубийства становится для него неисчерпаемым источником вдохновения. Юноша ставит перед собой цель - воплотить её образ в картинах, тем самым воскресить умершую девушку. Постепенно идея переходит в одержимость, которая граничит с безумием...

© Борис К., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1

Вот и подошёл к концу бракоразводный процесс. Всё. "Отныне вы ни муж, ни жена". Каролина вздохнула с облегчением и выдохнула последние остатки сожаления. Наконец-то она осмелилась на этот шаг. Ну не сошлись характерами, ну и что? У неё есть всё, что ей нужно для комфорта и развлечений: интересная, всепоглощающая работа, любимый сын Филипп, квартира и... свобода. Да, именно по свободе она скучала больше всего.

Роль порядочной жены-домоседки приводила её в уныние – не создана Каролина для этого. Женщина находила себя в работе арт-директора, а это и свободный непокорный дух, и работа до поздней ночи, и светские беседы вдали от мужа и ребёнка.

Муж же, напротив, имел консервативные взгляды на эти вещи: жена должна сидеть дома и посвящать свою жизнь детям, уборке, готовке и ожиданию прихода мужчины с работы. Нет, ни любимый, ни дорогой – ничто не подходило под описание этого человека. Просто муж. Он был недоволен тем, что Каролина читает на ночь их сыну Филиппу вместо обычных сказок мифы Древней Греции. Ладно, он ничего против них не имел, но не без цензуры же! А жена спокойно объясняла потом сыну неловкие подробности: того, о чём ещё рано знать семилетнему мальчику. С каким трудом он уговорил её завести ребёнка, а теперь она портит его, читая ему всякие непотребства, да ещё и объясняя всё это.

Решение было принято спокойно и без скандалов. Инициатором стала Каролина. Поначалу она встретила препирания со стороны мужа, но тот быстро понял, что уговорить её не выйдет. Он лишь попросил не испортить ребёнка.

Нет, он неплохой человек, наоборот. Просто Каролина не та, кто ему необходим. Это просто совместная, местами приятная, ошибка, благодаря которой появилась на свет их совместная нежность и любовь – сын Филипп. А сейчас, новая жизнь, новое начало.

Сразу после развода Каролину и её сына у здания ЗАГСа ожидало такси с вещами, направляющееся в аэропорт. Ещё две недели тому назад женщина решила, что лучший способ начать новую жизнь – хорошенько отдохнуть в бархатный сезон в Греции. Цена не волновала – когда в дело вступала прихоть, Каролина не останавливалась ни перед чем, несмотря на то, что ребёнка скоро надо идти в школу, и он может отстать от своих сверстников.

Чмокнув друг друга в щеку и взъерошив Филиппу волосы, Каролина и её уже бывший муж распрощались.

Такси спокойно ехало в назначенный пункт. Женщина и ребёнок сидели в обнимку на заднем сидении в ожидании приключений – мать успела заразить сына своей лихорадкой путешествия.

Мальчик поднял свою темноволосую головку и уставился своими большими, любопытными чёрными глазками на женщину: «Мам, а почему папа с нами больше не будет жить?»

Каролина лишь усмехнулась и ласково погладила Филиппа по голове: «Потому что я немножко устала и хочу побыть одна. Я спросила разрешения твоего папы, и он был не против. Но он по-прежнему тебя сильно любит, и вы будете с ним видеться и играть, как раньше. Ничего не изменится».

Мальчика это успокоило: «Как раньше. Как мне иногда надоедает плюшевый кролик?»

Каролина удовлетворённо кивнула: «Да. Вот видишь, ты всё понимаешь! Как твоя игрушка».

Мальчик опять вздохнул и положил голову на грудь женщины: «Но ведь папа человек, а не игрушка».

Женщина удивилась этой фразе, но ничего не сказала в ответ, ибо не могла найти подходящее слово. В глубине души она понимала, что сын попал точно в яблочко – поступок некрасивый. Её муж любит их, а она лишила его всего, о чём он так мечтал. Но и он губил её, не прислушивался, был слеп к её нуждам, не считался с её мечтами, целями и интересами. «Если

ты любишь человека, но при этом перестаёшь развиваться как личность, то эта любовь слепа и не стоит ни гроша» – так успокаивала себя Каролина: «Он всегда был слишком правильным, а я... как же часто он давал советы как подобает вести себя женщине, ставя меня в неловкое положение, выдавая меня за непослушную глупую девочку. Ну ничего, найдёт он себе подходящую под его принципы «правильную» женщину и будет с ней счастлив».

«Какой же умный мальчик!» – продолжала свою мысль Каролина. Её сын Филипп был для неё настоящей гордостью и любимой «игрушкой». Иногда, разговаривая с ним, она забывала, что её собеседником является её семилетний сын, а не взрослый человек. Такой тихий и такой рассудительный. Часто, в шутку, она называла его «человеком», обращаясь к нему: «человек, пора завтракать»; «человек, уже поздний час, иди спать» и так далее.

Она снова поглядела на своего сына: «Говорят, муж и жена со временем становятся похожими друг на друга. Чёрта с два! Их дети – вот что их объединяет. Дети сочетают в себе черты обоих родителей, сливаясь воедино, что кажется, будто родители какой-то необычной силой, словно брат и сестра, нашли друг друга, чтобы воссоздать свою очередную копию. Нет. Убери от родителей ребёнка, и пара перестанет иметь похожие друг на друга черты.

Взять, например, Филиппа. В тридцать восемь я всё-таки поддаюсь уговорам мужа, который так мечтал иметь ребёнка, и у нас появился этот замечательный мальчик. Сразу же с появлением Филиппа нам начали говорить, что я и муж, очень похожи друг на друга, потому неудивительно, что у нас растёт такой умный, милый, красивый мальчик. Да, Филипп взял глаза своего отца, его нос, его лоб.

Моё же – губы, волосы, овал лица. Он соединил наши такие разные черты, что мы стали все будто одним единым целым, но до этого, за двенадцать лет брака, нам никто не говорил, что мы с мужем хоть как-то похожи между собой. Двенадцать лет! Чем мы занимались до появления Филиппа эти двенадцать лет? И почему только сейчас я начала протестовать? Быть может, он надеялся, что с появлением Филиппа я поменяю свой взгляд на жизнь и искренне возмущался, почему этого так и не произошло? Он думал, что материнство наделит меня такими чертами характера, которые дико нравятся ему? Может и так, может и так...»

Оставшийся путь до аэропорта они провели в молчании – Филиппа укачивало, и он заснул на коленях мамы, которая и дальше предавалась своим размышлениям.

В самолёте мальчик уже не спал, а глядел в окно, наблюдая за облаками. «Что за мальчик!» – думала Каролина, надевая маску для сна: «Не ребёнок, а золото. Сам себе играет, потихоньку читает. Не достаёт криками, бегом и драками с детьми. С другим ребёнком я бы точно не справилась. Папу жалеет. Эх, Филипп, вырастешь, и всё поймёшь».

Женщина заснула, а мальчик всё также смотрел в окно.

Глава 2

Уже пятый день Филипп гулял по Афинам за руку с мамой и её новым знакомым Ариестидесом – высоким мужчиной с кучерявыми тёмными волосами и идеальными белыми зубами. Смуглая кожа придавала ещё большую белизну зубам. Сам же Ариестидес будто гордился своими волосами, зубами и кожей, что носил исключительно белую рубашку и белые брюки, будто хотел таким образом показать: «Посмотри, какая у меня смуглая кожа! Какие волосы! А зубы! Дай я покажу!» Чтобы ещё больше показать свои и без того великолепные зубы, он всегда улыбался, очаровывая Каролину своими ямочками.

Филиппу Ариестидес не понравился, он даже не понимал почему: то, что мама общалась с этим мужчиной лучше, нежели с его отцом; то, что этот мужчина намного моложе мамы; или ему не нравилась эта вечная жизнерадостная улыбка, в противоположность вечно серьёзному отцу; или то, что Филипп совершенно не понимал речь грека?

Женщина же, напротив, будто расцвела: она стремительно купила в Афинах парочку платьев и гуляла исключительно в них. Свои волосы на эту прогулку она украсила одной из

лилий из букета – вчерашним знаком внимания от Ариестидеса. Мальчику это не нравилось, поскольку он понимал, глядя на родителей своих сверстников, что мама намного старше их, однако всяческим образом отрицает этого. Обилие красок ей не шло, а в Афинах она превратилась в настоящего клоуна, из-за чего мальчику было немножко стыдно за свою мать.

Сейчас они втроём завтракали в одном из афинских кафе. Филипп неохотно ковырял вилкой не совсем греческий завтрак – липкий густой пудинг, а его мама была поглощена беседой с греком на том самом непонятном языке и громко смеялась.

Чересчур резко Каролина повернулась к сыну и сказала: «Ариестидес предложил нам побывать в одном очень интересном месте. Тебе понравится. Только надо отправляться сейчас, иначе потом там будет много туристов. Отсюда час езды. Нас подвезут на машине. Ты как на это смотришь?»

Филипп пожал плечами, дав понять, что идея его не впечатлила. Каролина прищурила глаза и продолжила говорить вкрадчивым голосом: «Там есть храм Посейдона и Афины. А ещё там царь Эгей упал с горя в море, когда его сын Тесей забыл поменять паруса. Помнишь этот миф?»

Филипп округлил глаза, улыбнулся и удовлетворённо кивнул – мифы Древней Греции он буквально впитал с молоком матери. Сколько мифов мама читала ему на ночь! С какой жадностью он поглощал каждое слово! Что же на этот раз случится с богами? Какой ещё бог родится от Зевса и земной девушки?

Самым любимым античным богом Филиппа был Аид – бог подземного царства мёртвых. Жить в тишине и одиночестве – это же так здорово! А бесплодные тени, души, призраки? Звучит-то как! Но и против других богов Филипп ничего плохого не имел, потому идея посетить храм Посейдона и Афины была весьма заманчива.

Как Каролина и обещала, Ариестидес привёз их за час до мыса Сунион, однако Филиппа тут постигло разочарование: он думал, что Ариестидес только довезёт их до этого места и оставит их наедине, но тот почему-то никуда не торопился и крутился возле Каролины.

Храм Посейдона остался Филиппом незамеченным – он полностью погрузился в свою обиду. Опять Филипп был наедине с собой, а мама всё так же ворковала с греком. Наконец заметив понурое лицо сына, Каролина предложила в шутку найти песчинку и положить её в пустую ракушку, а затем кинуть в море, чтобы со временем песчинка превратилась в жемчужину. Филипп разинул рот от удивления и, спросив несколько раз правда ли это, попросил у мамы спуститься на пляж и найти самую красивую песчинку и самую красивую ракушку, чтобы вырастить для мамы самую красивую жемчужину.

Мальчик быстро поделился своей идеей: он вернётся сюда, когда вырастет, найдёт ракушку уже с жемчужиной и подарит своей маме. Он спрячет сейчас ракушку за камнями так, чтобы море не унесло его будущее сокровище вглубь, а Посейдон проследит за ракушкой. На вопрос матери о том, почему Посейдон будет следить за ракушкой, мальчик сказал, что сейчас он найдёт красивый камушек и принесёт в храм Посейдона в дар за их общее дело.

Каролина посмеялась, обняла сына и чмокнула его в щеку. После этого, Филипп победоносно поглядел на Ариестидеса, предполагая, что грек никогда не додумается до такого идеального плана и не сможет подарить маме такой подарок, а значит она поймёт, что он её недооценил.

Каролина не обратила внимание на взгляд сына, брошенный на её курортного любовника, что разрешила мальчику найти камушек для Посейдона с условием, что он будет поблизости, желая побыть подольше наедине с Ариестидесом и хоть чем-то увлечь её маленького человека.

К сожалению, на пляже часто попадались большие камни, а среди маленьких Филипп не мог найти достаточно красивого камушка. Неожиданно, неподалёку от себя он услышал лай. Покружив вокруг себя, Филипп обнаружил сзади стоящую чёрную длинноногую собаку, которая подавала голос и виляла хвостом.

Мальчик пришёл в восторг от находки и протянул руку с намерением погладить пса, тот же был совсем не против. Плохое настроение Филиппа в связи с появлением неприятного друга у мамы окончательно улетучилось, и, вследствие поднятого настроения, вкусы его смягчились: тем самым он быстро нашёл достаточно красивый, на его взгляд, маленький камушек для Посейдона.

Глава 3

Филипп подбежал к маме и греку, которые уже успели примоститься на валун:

–Мам, мам! Посмотри кого я нашёл! – мальчик указал на бегущую за ним вслед собаку. – Можно мы его оставим себе?

Каролина удивлённо посмотрела сначала на Филиппа, затем на собаку, а потом на Ариестидеса. Спустя небольшую паузу женщина заговорила с греком. Мужчина лукаво поглядывал на Филиппа. Мальчик дожидался ответа – его сердце так сильно билось в груди, что его стук отдавался в уши. Каролина повернула голову в сторону сына и ответила:

– Человек мой, мы не можем взять его с собой. Нас просто не пустят в самолёт с ним. Нужно оплатить его перелёт, подготовить на него документы, сделать необходимые прививки – это очень дорого и занимает много времени. К тому же собака- это большая ответственность. Ты готов за ней уха..

– Да, я готов, – с жаром перебил мальчик.

– Но вспомни как тебе быстро надоедают игрушки! Многие заводят собак и со временем осознают, что они хотели вовсе не этого. Воображают себе игрушку, которая перестанет работать тогда, когда человек этого захочет.

– Но я не многие! – Филипп часто заморгал глазами, чтобы не показать маме, как задел его слова.

Ариестидес всё это время поглаживал колено Каролины и сейчас наклонился к ней и шепнул что-то на ухо. После этого он опять улыбнулся мальчику, однако не получил ответной улыбки:

– Ариестидес предложил перевезти собаку в его дом. Мы будем навещать его по мере возможностей. Каждый год, – с надеждой предложила Каролина.

– Но я хочу видеть его каждый день, – жалобно протянул Филипп, опустив голову.

– Ариестидес пытается сделать как лучше. Ты уверен, что его сейчас не ищут хозяева? Вдруг они тут?

– Я...я..не знаю, – пожал плечами мальчик.

– Ты готов выгуливать его каждое утро, вместо того, чтобы поспать лишний час? Мыть его, когда он после утренней прогулки искупается в грязи?

– Он не будет этого делать.

– Будет. Все собаки это делают, – махнула рукой Каролина. – А что ты будешь делать, когда он заболит и умрёт?

Филипп резко поднял голову и выпучил свои глаза, наполненными слезами. Каролина поняла, что перестаралась в своих убеждениях, и некоторые вещи всё ещё могут ранить её маленького человека, но он уже, к сожалению, заплакал. Женщина встала, подошла к сыну и обняла:

– Прости. Не умрёт. Он будет жить долго. У Ариестидеса ему будет намного лучше: в его доме живут ещё две собаки. Твой пёс не будет скучать. Подумай сам: когда ты будешь на занятиях в школе, собака будет дома скучать, а у Ариестидеса дома есть сад. Представь, где собаке будет лучше: одной в квартире или в просторном саду с двумя друзьями? Ариестидес очень любит животных. Пёс будет сытым, весёлым и чистым. Мы будем его навещать.

Мальчик лишь изредка всхлипывал. Наконец, успокоившись, он глухо спросил: «Правда?»

Каролина утвердительно кивнула и косо посмотрела на пса: «Как ты его назовёшь?»

Филипп об этом ещё не думал: он нахмурил брови и почесал затылок: «Пусть будет Посейдон».

Женщина посмеялась, повернулась к Ариестидесу и что-то быстро затараторила. Мальчик ничего не понял, лишь уловил слово «Посейдон» в конце. Ариестидес посмеялся и улыбнулся мальчику – Филипп в первый раз улыбнулся греку.

После того как камушек был преподнесён в дар богу в храме Посейдона, пара пошла к пляжам, а Филипп, недалеко отбежав от них, начал искать подходящую песчинку и ракушку для будущей жемчужины.

«Поскольку песчинка будет расти в море, то и найти надо её у берега – она уже впитала в себя воду, а, следовательно, будет быстрее расти и превращаться в жемчужину!» – размышлял мальчик.

Несмотря на великодушие со стороны грека, предложившего оставить себе собаку, Филипп не прекратил с ним мысленную войну. «Улыбаясь, он забирает мою маму от отца, а теперь ещё и собаку переманил. Хочет, чтобы мы с ним стали друзьями? А может он потом выкинет собаку, как только мы улетим домой, а потом скажет, что она сбежала, когда мы вернёмся сюда! Всё это сейчас он делает не просто так: хочет маме понравиться. Конечно, я же рассказал про свой план с жемчужиной, а он до такого не догадался – вот и приманивает маму».

Оглядевшись, Филипп обнаружил, что пляжи, которые имели прекрасный белый песок и ракушки, посещать нельзя – собственность отелей, а бесплатные пляжи – дикие и каменистые.

Пришлось искать там. Филипп недовольно ступал на камни в своих босоножках, а ветер развеивал его белые шортики и рубашку в красно-белую полоску с нагрудным карманом и не менее ценной вещью в нём, чем жемчужина – блокнотик с номером отца с кодом, чтобы он мог спокойно звонить ему из Греции. А проклятый ветер и скользкие камни норовили лишить мальчика равновесия, и ценный блокнотик мог вот-вот выпасть из карманчика.

Из сухого, рассыпчатого песка он взял в свою ладошку небольшую горсть песка, жалея о том, что нельзя попасть в те платные, действительно красивые пляжи, где песок, сливаясь с солнцем, превращается в блестящую солнечную пыль, ракушки сами подкидываются к ногам мягкими тёплыми волнами, а тут приходится царапать ноги.

Пёс Посейдон, после того как Филипп отправился на поиски песчинки и жемчужины, побежал в сторону того места, где мальчик нашёл его. Он начал копать и фыркать носом, лая и даже слегка воя. Филипп всё больше раздражался, и тому было несколько причин: ветер мешал поискам; поиск продолжается, а мама даже не предложила свою помощь – она всё ещё общается с греком; не попала ещё ни одна красивая целая ракушка; собака мешала поискам своим шумом.

Наконец Филипп нашёл ту самую идеальную, слегка грязную, ракушку-гребешок. Он аккуратно начал кидать песчинки внутрь так, чтобы не сломать створки ракушки. Пёс, тем временем, не переставал рыть и лаять. Мальчик не выдержал этого, положил ракушку в карманчик и подошёл к собаке.

Увиденное его шокировало – на месте вырытой Посейдоном ямы виднелся скелет ноги, а пёс так и продолжать рыть и заметно нервничать. Мальчик закричал, отчего Каролина и Ариестидес, оторвавшись друг от друга, побежали на крик ребёнка. Филипп, рыдая, побежал навстречу маме и кинулся в объятия:

– Филипп, что случилось? – встревожилась Каролина.

– Там, ...там,.. но-га! – мальчик заикался и плакал.

Ариестидес уже подбежал к Посейдону, пока женщина успокаивала сына. Грек начал помогать собаке раскапывать руками находку. Мужчина позвал Каролину. Она попросила

Филиппа не подходить к яме, но тот в истерике вцепился в подол платья мамы и не отпускал, потому шёл следом за ней.

Находка напугала всех, Филипп закричал ещё больше: в яме лежал скелет с клочками волос и кусками ткани, видимо, это когда-то было одеждой.

Ариестидес достал свой мобильный телефон и начал набирать номер полиции. Каролина опустилась на колени перед сыном, схватила двумя руками его голову так, что глаза ребёнка находились в нескольких сантиметрах от её глаз: «Человечек мой, не бойся. Видимо тут какая-то старушка решила умереть. Мало что им придёт в голову. Не стоит её бояться – она не сделает тебе ничего плохого. Если хочешь, мы можем задобрить её дух и отправить в царство мёртвых, и, через неё, ты преподнесёшь дар Аиду. Хочешь?»

Мальчик трясся и смотрел испуганными глазами на маму: зубы стучали, ему было страшно, но всё же Филипп согласился.

Каролина сняла с волос цветок лилии и положила его скелету в некогда имевшуюся грудь и начала закапывать тело. Мальчик запротестовал. Женщина вопросительно посмотрела на сына, но мальчик объяснил: «Видимо Аиду понравился подарок, что он нам передал взамен свой».

Филипп протянул руку к скелету, и, дрожащей рукой, сгрёб землю в кулак. Затем, разжав кулак, он убрал лишнюю землю. Мама увидела в руках сына кольцо из ракушки. «Вот она, жемчужина,» – тихо произнёс мальчик.

Глава 4

Полиция прибыла относительно быстро. Ариестидес предложил Каролине и Филиппу поехать к нему домой, так как от острова было ближе добраться до его дома, нежели до отеля. Женщина отказалась, увидев предполагаемый намёк на продолжение совместного времяпровождения когда успокоится её сын. Сейчас ей было не до этого, однако и мужчина не обиделся, прекрасно понимая ситуацию: он лишь молча протянул женщине бумажку со своим номером телефона на случай, если та передумает.

Каролина приняла бумажку и поблагодарила за всё, а потом опешила от того, что благодарность сегодня не особо уместна. Ариестидес сдержанно усмехнулся и предложил женщине и сыну подвезти их хотя бы до отеля. На прощание, грек помахал им рукой, когда те вышли из машины: Филипп провожал взглядом машину, на заднем сидении которой, сидел жизнерадостный Посейдон с грязной от земли мордой.

Войдя в номер, Филипп моментально подбежал к телефону, достал блокнот из кармашка и набрал номер отца. Каролина медленно шла к рядом стоящему дивану, чтобы присесть. Услышав голос отца, сын разразился плачем и, заикаясь, пересказал ему о случившемся. Рассказ получился сбитым и путанным, но суть была понятна. Голос в трубке был то возмущённым, то испуганным, то успокаивающим и ласковым, то абсолютно спокойным.

Кое-как Филипп успокоился, а женщина всё это время следила за лицом сына, будто по нему она могла прочесть весь разговор отца и сына. В конце концов мальчик поднял голову, протянул трубку маме: «Он хочет поговорить с тобой».

Женщина охотно взяла трубку, надеясь услышать слова утешения и поддержки в свой адрес, однако она ошиблась:

– Да.

– Как ты могла такое допустить?! Ты же мать! Где ты была? Что ещё за грек? Какой мыс? А если бы он разбился? Он же ребёнок! Зря я тебе позволил забрать его с собой!

– Послушай, не всё сразу. Дай мне всё объясни...

– Ты улетила в Грецию налаживать жизнь, но не подумала, что ответственна за иную, незащищённую жизнь! Каролина, это твой сын! Твой! Сын! Неужели в тебе нет ничего материнского? О чём ты думала?

– Да выслушай же меня!

– Нет, это ты меня слушай: после того как вы прилетите домой, я забираю сына себе и плевать, что суд постановил оставить ребёнка с тобой. Ты его просто угробишь. Будешь противиться, сделаю так, что ты и по выходным дням с ним видаться не сможешь.

– Ну это уже абсурд!

– Абсурд – оставить тебе сына! Я просил тебя, не испорти его. Так ты решила превратить его в инвалида? Перед школой увезла нормального ребёнка, а привезёшь кого? Ты думала только о себе! Ты даже сейчас не сопротивляешься особо. Отдай ребёнка и делай, что хочешь со своей личной жизнью.

– А с тобой ему будет лучше?!

– Будет! Мне ценен и важен сын! Я хочу вырастить нормального ребёнка и знать, что с ним всё в порядке.

– Я мать! Ребёнку нужна мать!

– Нужна, но не такая. Потому что и случилось. Нет в тебе настоящей женщины. Если бы ты за ним следила, ничего бы этого не произошло. Что за собака? Что за грек? Скелет!

Ссора продолжалась дальше на повышенных тонах. Вспоминались все вопросы, приведшие к разводу: правильность мужа, узость его взглядов, нежелание мириться с мировоззрениями друг друга, надежда на остепенение со стороны жены после рождения ребёнка и разочарование, последовавшее за этим, неправильное воспитание и упрёки.

Филипп всё это время сидел на диване и слушал – теперь отец кричал, и его прекрасно было слышно. Разговор закончился бросанием трубки Каролиной:

– Человек, как ты? – ласково спросила мама.

– Я пойду спать, – тихо ответил мальчик.

– Днём? – удивилась женщина.

– Я очень хочу спать, – Филипп удалился в спальню.

Женщина последовала за ним, легла рядом с ним, обняв его как можно сильнее, чтобы он успокоился, и как можно быстрее заснул:

– Мам, я тут подумал, – глухо начал свою мысль Филипп.

– Что?

– Это не просто мертвец. Это Персефона возвращается к Аиду, а живым в царство мёртвых не попадёшь, потому что она превратилась в скелет и притворялась, будто нас не слышит.

– Какой же ты у меня умничка! Ты абсолютно прав! – Каролина чмокнула в лоб сына.

Мальчик, на удивление, быстро заснул, а женщина тихонько выскользнула из кровати и направилась на балкон. Она стояла и наблюдала за проносящимися машинами: «После прилёта домой, Филипп переезжает к отцу. Этот гад всё же прав – я совершенно не гожусь в матери. Быть может, с ним ему будет действительно гораздо лучше».

Глава 5

– Моя мать – первый человек, который дал мне испытать такие чувства как «потеря веры в человека» и «разочарование»: сразу же после нашего путешествия, она отдала меня отцу.

Я тогда думал, что всё-таки проиграл ту войну с греком, что была у меня в голове, и я стал для неё обузой, мешающая строить её личное счастье.

К моему удивлению, я ошибся: мама больше не встречалась с этим мужчиной, предпочитая компанию других, поближе, говорящих на родном языке. С греком она лишь изредка созванивалась. Однако, как быстро мать знакомилась, так быстро расставалась без сожаления, но неизменным мужчиной, которого она любила всем своим сердцем, пусть даже по-своему, был даже не отец, а я.

Но это я понял со временем, а тогда, ребёнком, я сохранил в своём сердце обиду на неё, игнорируя её частые звонки, подарки и поездки.

Отец ещё больше разрывал мою особую связь с матерью, говоря о том, какая она безрассудная, любящая только себя женщина. Моя обида сблизила нас с отцом ещё ближе, хотя раньше я мог уверенно утверждать, что любовь к обоим родителям у меня была одинакова. Но теперь, когда мама бросила меня, выбор, кого любить и к кому льнуть, был очевиден.

Очень скоро отец познакомился с милой медсестрой Анной, которая была младше него на двадцать лет, но уже имела двоих мальчишек – близнецов. Она была полной противоположностью матери и внешне, и «внутренне»: светловолосая, миниатюрная, стеснительная и такая очаровательно домашняя – оплот добродетели, как мечтал отец, от неё так и веяло настоящим материнским теплом.

Папа никак не мог предположить, как такую прелестную девушку мог бросить муж на произвол судьбы, да ещё с такими хорошими детками. На что она смущённо пожимала плечами и тихо отвечала: «Предпочёл другую», будто говорила о потерянной копеечной монетке, которую всё-таки немножко жалко. Поразительно! Ни капли яда, ни намёка на злобу и желание мстить за задетое самолюбие в этой фразе не было.

Мифы сменились на пустые, но милые разговоры о мечтах, но я несколько не сожалел об этом. Я действительно полюбил мачеху всем своим сердцем.

Позже, у отца с Анной родилась моя сестричка, а потом ещё одна. Счастью отца не было предела – он так мечтал о большой семье. Идиллия длилась недолго: Анна занималась нашим воспитанием, совмещая работу, а отец...он, конечно, тоже зарабатывал, но больше никакого вклада в семью не вносил, считая, что семейные обязанности – чисто женская работа. Анна ни на что никогда не жаловалась, но я замечал, как она, уставая от бесконечных дел, плакала в ванной комнате, да и весь внешний вид говорил об этом: она перестала уделять себе время, чтобы сделать причёску, макияж, красиво одеться и облиться парфюмом. Цокот каблучков уже давно сменился на шум от шороха тапочек.

Я помогал ей как мог, так как был самым старшим ребёнком, но она часто забирала мою работу, чтобы я мог уделить себе время на встречу с мамой, занятиям, моему хобби – рисованию, художественной школе, да просто побыть одному – она любила меня как родного и всячески проявляла обо мне заботу.

И вот, второй человек, который меня разочаровал, стал мой отец. Пока Анна загибалась дома и теряла себя, мой отец стал позже приходить домой, якобы на работе завал, срочное совещание и т. д. В конце концов, не выдержав плохо скрываемой лжи, я взял его телефон и обнаружил переписку с какой-то вульгарной женщиной. Мне тогда было уже пятнадцать лет. Шок, который я испытал, был сильнее, чем тот, когда меня «бросила» мать. Я позвал отца поговорить тет-а-тет. Он, ничего не подозревая, думал, что сын просит наставления у отца, а я..а я прямо и спросил, есть ли у него кто-то помимо Анны. Он и признался, что Анна, перестав быть «настоящей женщиной», больше не интересовала его. На мои упрёки, а как же его мечты о семье и вечное осуждение моей матери, он и признался, что, видимо, он с самого начала лукавил себе: он хотел женщину благодетельную, как Анна, и эффектную, как моя мать, но такую найти просто невозможно.

Вот оно – воплощение правильности! В итоге моя «неправильная» мать была намного лучше отца, с моральной точки зрения, не скрывая своих недостатков. Я пообещал отцу, что Анна об этом не узнает от меня, если он сейчас же прервёт все связи с другой женщиной. Отец не смог этого пообещать. Тогда я сбежал. Близких друзей у меня не было, к матери бежать – абсурд, потому скамейка в парке служила мне отелем под открытым небом. Конец марта. А я лежу и дрожу на холодной скамейке. Что я хотел тогда доказать? Кому?

Этой же ночью меня нашла Анна. Не отец, а Анна. На вопросы, почему я так сделал, я сначала не мог ответить, а потом, поразмыслив, держа обиду на отца, что он не отправился

меня искать, «Ну и чёрт с ним!», я рассказал мачехе об интрижке отца. И тут... Анна стала третьим человеком, который меня разочаровал – она призналась, что давно догадывалась об этом, но никак не решалась спросить.

Моё возмущение переходило все границы дозволенного: матерясь, я кричал, почему она не говорит об этом, почему не пригрозит отцу разводом, неужели ей это нравится. Она же ответила, что тему эту поднимать не будет, ибо сделает ситуацию в семье только хуже. Она уже один раз осталась на пороге с двумя детьми, возмущившись тому, что мужчина не желает быть верным ей одному, а сейчас у неё пятеро детей. На слове «пятеро» она сделала акцент, посмотрев на меня, но в то время она уже перестала для меня что-то стоить. Какой же жалкой в тот момент она мне показалась!

Мне стала противна эта семья: что отец, что жалкая Анна, что её ненужные никому дети. Семья, основанная не на любви, а на страхе и лицемерии. Сбежать – вот чего я хотел. Но куда? К матери. Она единственная, кто не погрязла в своей собственной лжи. Но повод нашёлся лишь спустя год – меня пригласили в качестве студента в художественную академию за то, что я выиграл городской конкурс.

Как ни странно, но эти разочарования вдохновили меня на мою работу, занявшую призовое место: рука с неба, дающая «подарок» мужчине, за спиной у которого куча разорванных таких же «подарков». Эту картину я назвал «Неблагодарность». Сейчас я понимаю, что этот рисунок наивен, но тот порыв юношеского максимализма пришёлся по вкусу жюри. Очевидно же кого я изобразил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.